

щенным колонизатором” и “аристократом-империалистом”, который главной целью своей политики ставил сохранение и расширение британской империи. Многие из принципов, которые отстаивал Керзон – фактическая “сакрализация” империи, неверие в способность населения Индии к самоуправлению, неприятие идеи предоставления женщинам Великобритании равных политических прав с мужчинами – противоречили духу XX в., процессу эмансипации женщин и демократизации общественно-политической жизни Великобритании. Таким образом, Керзон посвятил немалую часть своей жизни отстаиванию взглядов и подходов, которые были отвергнуты ближайшим будущим.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга написана увлекательно, с привлечением редко-

го иллюстративного материала; она представляет большой интерес как для исследователей, занимающихся историей Великобритании конца XIX – первой четверти XX в., так и для широкого круга читателей. Работа Е.Ю. Сергеева позволяет не только лучше понять непростую личность Керзона, его вклад в формирование внешней и колониальной политики Великобритании, но и расширяет представление о различных течениях в консервативной партии на рубеже XX в., механизме управления Великобританией, образе жизни и менталитете английской аристократии и британской политической элиты в целом.

А.Ю. Прокопов,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИВИ РАН

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА. СВИДЕТЕЛЬСТВА УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны). М.: Новое литературное обозрение, 2015, 667 с.

История Сталинградской битвы продолжает пополняться новыми источниками. Среди них – материалы Комиссии по изучению истории Великой Отечественной войны, созданной в ноябре 1941 г. во главе с членом-корреспондентом АН СССР (позднее академиком) И.И. Минцем. Задача комиссии состояла в сборе и сохранении устных и письменных свидетельств героической борьбы Красной армии и советского народа против германского фашизма. В январе 1943 г. сотрудники “комиссии Минца” прибыли в разрушенный Сталинград. Членами комиссии было запроотоколировано 130 бесед с 215 участниками и свидетелями Сталинградской битвы. Протоколы бесед представляют “объемную и рельефную картину поступков, мыслей и чувств советских людей” (с. 12) – генералов, командиров и политработников всех рангов, рядовых красноармейцев, матросов Волжской военной флотилии, медсестер, бойцов добровольческих истребительных батальонов, секретарей партийных комитетов, рядовых жителей Сталинграда.

Эти документы, как и другие материалы комиссии, были переданы в Научный архив Института истории АН СССР (ныне – Институт российской истории РАН). Однако в течение десятилетий они оставались не востребовавшими отечественной исторической наукой. Инициатива публикации “сталинградских протоколов” принадлежит Й. Хелльбеку –

немецкому историку, работающему в Ратгерском университете (США, штат Нью-Джерси). Издание было осуществлено при поддержке Фонда Тиссена (ФРГ), Института российской истории (ИРИ) РАН, а также Германского исторического института в Москве. Русскому изданию книги “Сталинградская битва” предшествовали ее публикации на немецком и английском языках¹.

Руководителю проекта (на титульном листе Хелльбек скромно обозначил свою роль в качестве ответственного редактора) удалось найти оптимальную форму подачи материала, собранного комиссией. Книга читается на одном дыхании. В обширном введении, которое имеет самостоятельную ценность (с. 7–145), проведен анализ современной российской и зарубежной научной литературы по истории Сталинградской битвы. Хелльбек подчеркивает, что в общественном сознании ФРГ все еще сохраняется одномерная концепция Сталинградской битвы: немецкие солдаты рассматриваются лишь как жертвы; противник, если и присутствует, то в виде наводящих страх “красных комиссаров”.

Протоколы бесед с участниками боев представлены в виде текстов, отражающих ход Ста-

¹ *Hellbeck J. Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt a.M., 2012; Hellbeck J. Stalingrad: the city that defeated the Third Reich. New York, 2015.*

линградской битвы, опыт и восприятие многих действующих лиц. Интервью проводились по свежим следам событий. Действия 308-й сибирской стрелковой дивизии показаны с точки зрения командиров и рядовых бойцов, судьба населения отражена в интервью партийных работников, военных, рабочих и горожан. Тем самым создается объемное восприятие исторических событий с различных позиций. Интервью, взятые в целом, представляют собой классический пример “устной истории”.

Материал книги сгруппирован по пяти разделам. Каждому из них Хелльбек предваряет свои размышления; он пишет, как эти события отражены в историографии и как показаны в публикуемых интервью. Открывает издание раздел под названием “Солдатский хор”, в котором представлены интервью бойцов и командиров 308-й сибирской стрелковой дивизии полковника Л.Н. Гуртьева, показаны судьба города и его жителей. Рассказано о потерпевшей в начале ноября 1942 г. неудачу высадке десанта в районе Латошинки (севернее Сталинграда). Приводится немало фактов о преступлениях вермахта по отношению к мирному населению, об угоне жителей Сталинграда и окрестных сел в немецкую неволю. Впечатляет стенограмма беседы с работницей кухни А. Поздняковой, пережившей в Сталинграде вражескую оккупацию. Это интервью, записанное 14 марта 1943 г., приводится в книге без сокращений: оно раскрывает жестокую сущность германского оккупационного режима (с. 212–222).

В книге приводятся данные о масштабах потери мирного населения Сталинграда во время варварских бомбардировок города. Только 23 и 24 августа 1942 г. погибло 42 797 мирных жителей. Город был полностью разрушен. Страницы “Сталинградских протоколов” содержат свидетельства очевидцев, переживших эту трагедию: К.С. Денисов, секретарь Ерманского райкома ВКП(б) Сталинграда, рассказывал: “Это был такой налет, какого никогда еще не было. Буквально было такое впечатление, что как будто бы все небо было покрыто самолетами” (с. 176). Огромных жертв мирного населения удалось бы избежать, если бы эвакуация проводилась заранее и организованно, и город был готов к боям. Д.М. Пигалев, председатель Сталинградского горисполкома, констатировал: “Рубежи мы строили, а баррикад у нас не было, потому что не думали, чтобы от Дона он пришел сюда за один день” (с. 169). И.В. Васильев, бригадный комиссар, начальник политотдела 62-й армии, утверждал: «Нам не на что было опереться. Город не оборонялся. Построили такие “ежи”, за которые машина легковая

заденет, и они падают. Никаких укреплений тут не было» (с. 169). Эвакуация населения началась только после бомбежки 23 августа 1942 г. И.В. Васильев вспоминал: “Когда переправляли через Волгу, эвакуация так называемая, уже за эту эвакуацию голову можно было сорвать. Страшно было смотреть, особенно на детей. Вывозят в пески, воды нет, не только какого-нибудь организованного питания. Что же мог рабочий с собой взять, когда кругом рвется, мины рвутся, бомбят сверху и дети плывут” (с. 189).

Германская историография продолжает развивать старые стереотипы об истоках героизма Красной армии: «Советский солдат воспринимался в виде единой массы: это были орды фигурок землистого цвета, которые с криком “Ура!” бежали на немецкие позиции, подгоняемые размахивающими пистолетами комиссарами» (с. 29). Тексты протоколов “комиссии Минца” полностью опровергают это представление. Участники битвы сами формулируют истоки героизма, находят слова для объяснения стойкости советских войск. Майор Г. Спицкий (Волжская флотилия): “Это был исключительнейший подъем людей. Самые отсталые люди, и те преобразились, а такие были у нас” (с. 98). Характерны слова члена военного совета 62-й армии генерал-лейтенанта К.А. Гурова: “Красноармейцы поняли свою роль как государственных людей” (с. 90).

Красноармейцы рассказывали, как они пытались преодолевать инстинкт самосохранения, рассматривали собственную гибель как осмысленное действие. В книге представлены беседы с офицером 284-й сибирской стрелковой дивизии (в Сталинграде она стала 79-й краснознаменной гвардейской) майором Н.Н. Аксеновым и знаменитым снайпером В.Г. Зайцевым. Как солдаты и офицеры воспринимали свое место в битве, какова была их мотивация к борьбе до конца? Н.Н. Аксенов: “В Сталинграде чувствовалось, что каждый боец и командир стремился убить как можно больше немцев. Чувствовалась особенно жгучая ненависть к немцам у сталинградцев. Это и было одной из причин, породивших снайперское движение в полку” (с. 473). Снайпер В.Г. Зайцев к концу Сталинградской битвы уничтожил 242 солдата противника; в феврале 1943 г. В.Г. Зайцеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Показательны его слова: “В сад посмотришь, на сучках висят девушки, дети – разве это не действует. Это потрясающее действие” (с. 513).

Интервью с рабочими сталинградских заводов и солдатами показывают, каким мотивами руководствовался каждый из них, сражаясь с врагом. Хелльбек пишет, что рабочие

воспринимали себя как активных участников войны. Руководитель проекта обратил внимание на мобилизующую роль партийных организаций ВКП(б) в Сталинградской битве. Историк подробно проанализировал плюсы и минусы партийной пропаганды, роль политруков и политagitаторов в воинских частях (с. 234–237).

Сопоставляя данные о потерях с обеих сторон, Хелльбек приходит к выводу, что война стала еще более ожесточенной после Сталинградской битвы, когда, казалось, надо было ожидать меньше потерь со стороны Красной армии. Хелльбек честно пишет: “Советские потери на Западе практически неизвестны” (с. 26). К этим потерям относятся и красноармейцы, расстрелянные по сталинскому приказу № 227. Книга британского популяризатора истории Э. Бивора², переведенная на русский язык без комментариев российских ученых, содержит (без указания источника) цифру 13 500 расстрелянных солдат только в 62-й армии генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова. Однако, как следует из рассекреченной недавно справки особого отдела НКВД, по всему Сталинградскому фронту было задержано 15 649 чел., арестовано 224 чел., расстреляно 278³. Интервью с В.И. Чуйковым (с. 377–412), записанное 5 января 1943 г., показывает реальную обстановку в войсках после издания приказа № 227. В.И. Чуйков рассказывает, как 9 октября 1942 г. на глазах у личного состава расстрелял за отход от оборонительных позиций нескольких командиров и комиссаров (с. 390).

Одно из самых интересных интервью взято у будущего историка П.А. Зайончковского, перед войной защитившего кандидатскую диссертацию. Владея немецким языком, он с первых дней войны являлся главным инструктором 7-го отделения политотдела 66-й армии и занимался пропагандой среди войск противника. Капитан П.А. Зайончковский убедительно рассказывает о безрезультатности “лобовой” пропаганды, направленной на войска противника, об изменении психологии немцев, распаде их нравственности, когда они выступали как грабители на оккупированной советской территории. В интервью П.А. Зайончковского содержатся не только ценные сведения о героизме советских солдат и офицеров, но и критические отзывы о недостаточной согласованности действий частей Красной армии, о случаях недисциплинированности в советских войсках (с. 530–552).

В книгу включены материалы допросов немцев, плененных в феврале 1943 г., а также дневниковые записи находившегося в “котле” немецкого ефрейтора. Из протоколов допросов солдат вермахта мы узнаём о том, как воспринимались поверженным противником последние дни Сталинградской битвы, о разложении в немецких войсках, о чудовищных условиях жизни советских военнопленных в немецком плену. Окруженные немцы считали, что русский плен – это мучение и гибель (с. 564). Если до окружения советские листовки не пользовались у немецких солдат успехом, то в январе 1943 г. немцы “буквально искали листовки с картой, изображающей положение на фронте, которые сбрасывались с самолетов” (с. 563).

По сравнению с немецким и английским изданиями, публикация на русском языке более объемна и информативна. Читателю книги помогают подробные примечания, биографические данные интервьюируемых, фотографии, многие из которых публикуются впервые. Издание снабжено именным, географическим и предметным указателями.

Реакция зарубежной общественности говорит о востребованности книги. Выдающийся германский историк Г. Моммзен подчеркивал, что публикация протоколов “устраняет предвзятости о том, что советские войска сохраняли высокую боеспособность только на базе насильственных действий и массовых расстрелов”⁴. Пресса ФРГ отмечала: “Как никакая другая книга последних лет, эта книга вынуждает читателя взглянуть на незажившие раны других. Эти раны невозможно игнорировать”⁵. Газеты США откликнулись на книгу рядом рецензий. “Эта книга подобна симфонии Шостаковича, только в словесной форме. Она сочетает мрачное и лирическое, низкое и величественное”, – писала “Бостон Глоб”⁶.

Таким образом, корпус важнейших источников по истории Великой Отечественной войны стал достоянием трех национальных исторических культур: русской, немецкой и английской. Хочется надеяться, что российские исследователи включатся в работу по изучению всего комплекса документов “комиссии Минца”, не только по Сталинградской битве, но и по другим важнейшим событиям Великой Отечественной войны.

Н.Э. Вашкау,
доктор исторических наук,
профессор Волгоградского госуниверситета

² Бивор Э. Сталинград. Смоленск, 1999.

³ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000, с. 230.

⁴ Die Welt, 11.XII.2012.

⁵ Süddeutsche Zeitung, 11.XII.2012.

⁶ Boston Glob, 25.IV.2015.